

АНЖЕЛИКА ЯНЧЕВСКАЯ

ПОПАДАНКА В БЕДЕ

ПОПАДАНКА В РУКИ ЛЕДЯНОГО ИНКВИЗИТОРА

Анжелика Янчевская Попаданка в руки ледяного инквизитора

<https://litres.ru/74205079>

Аннотация

Я умерла в своем мире, а очнулась в теле жены, могущественного инквизитора. Казалось судьба подарила мне второй шанс, новое здоровое тело и статус супруги влиятельного лорда. Но счастье длилось не долго, сестрица объявила, что носит под сердцем ребенка от моего мужа, зачатого еще до нашей с ним свадьбы. Теперь мне предстоит жить под одной крышей с женщиной, разрушившей мою жизнь, и мужем, для которого традиции важнее чувств. Но всё меняется, когда во мне просыпается запретная магия — та, за которую мой муж не щадит никого. Её владельцем он казнит без тени сомнения. ВСЕ КНИГИ МОБА "ПОПАДАНКА В БЕДЕ" можно найти здесь :

Содержание

1	4
2	8
3	13
4	23
5	27
6	34
7	37
8	40
9	44
10	51
11	55
12	61
13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

1

Я стояла у окна в кабинете мужа, наслаждаясь каждым движением своего нового тела. До сих пор не могла привыкнуть к этому чувству — лёгкости и свободы в каждом шаге. Никакой боли в спине, никакой тяжести в ногах. После пяти лет в инвалидном кресле это казалось настоящим чудом.

Тяжёлые складки тёмно-синего шёлка струились по полу при каждом моём шаге. Такое роскошное платье я бы никогда не смогла носить в своей прошлой жизни — в коляске было бы слишком неудобно. Рукава, расшитые серебряной нитью, мягко спадали к запястьям, открывая тонкие руки. В прошлой жизни мои руки были намного сильнее — приходилось постоянно подтягиваться, перемещаться. А здесь... здесь я была изящной леди, женой самого влиятельного инквизитора королевства.

Воспоминания о том, как я очнулась в этом теле, до сих пор были свежи в моей памяти. Лихорадка, жар и чужие воспоминания, хлынувшие в сознание мощным потоком. Настоящая Амели умирала от какой-то магической болезни, и её последним желанием было не оставлять жениха одного. Какая ирония судьбы — она действительно не оставила его одного, просто её место заняла я, девушка из другого мира, прикованная к инвалидному креслу после автокатастрофы.

Я бросила быстрый взгляд на мужа. Дарек сидел за мас-

сивным столом из черного дерева, заваленным древними фолиантами и свитками. Его длинные пальцы, униженные перстнями с защитными рунами, небрежно перелистывали страницы. Серебристые волосы мягко переливались в свете магических светильников, и я невольно залюбовалась их необычным цветом. В этом мире такой оттенок волос был признаком чистокровных драконов, как и его невероятные глаза цвета северного льда.

За окном раздался цокот копыт. Сердце пропустило удар, когда я узнала герб на дверце подъезжающего экипажа — золотую розу на зелёном фоне, герб семьи Эвертон. Моей новой семьи в этом мире.

— Лорд Берг, к нам гости, — тихо произнесла я, хотя знала, что он уже в курсе.

— Я знаю, — коротко ответил он. — Твой отец прислал письмо утром.

Конечно, он знал. Инквизитор всегда всё знал, но не считал нужным делиться информацией с женой. За три месяца брака Амели уже привыкла к этому, как и к его вечной отстранённости. Он относился к ней как к дорогой вещи — обеспечивал всем необходимым, но не проявлял ни капли тепла.

Из воспоминаний настоящей Амели она знала, что их брак был заключён из-за невероятно высокого уровня магической совместимости. Девяносто три процента — почти идеальное совпадение. Такое случалось раз в несколько по-

колений. Для могущественного инквизитора это было важнее любых чувств.

Дверь кабинета распахнулась без стука. Я вздрогнула от неожиданности и обернулась. На пороге стояла Беатриса, а за её спиной маячили хмурые лица родителей. Что-то было не так. Очень не так.

— Прошу прощения за вторжение, дорогие родственники, — голос Беатрисы звенел от едва сдерживаемого волнения. — Но у меня есть новость, которая не может ждать.

Она сделала несколько грациозных шагов в комнату, и тяжёлый дорожный плащ распахнулся, открывая её фигуру. Я замерла, чувствуя, как земля уходит у меня из-под ног. Плотное тёмно-зелёное платье не могло скрыть округлившийся живот. Пятый месяц, не меньше.

Дарек наконец оторвался от бумаг. Его ледяные глаза скользнули по фигуре Беатрисы, и на мгновение в них промелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Милорд, — Беатриса подошла к его столу, её карие глаза сияли странным торжеством. — Помните те вечера, когда вы гостили в нашем поместье? Пока улаживались формальности брака с моей сестрой...

Воздух в кабинете стал густым и тяжёлым. Магические светильники замигали, реагируя на всплеск эмоций присутствующих. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Я ношу под сердцем вашего ребёнка, — Беатриса по-

ложила руку на живот. В этом жесте было что-то противоестественно собственническое. — Уже пятый месяц. Наш малыш растёт сильным и здоровым, я чувствую это.

Дорогие мои, я начала новую историю, буду рада вашей поддержке. Нажмите "мне нравится", оставьте свой комментарий, всех вижу, всех читаю, всех люблю!

Мой отец шагнул вперёд. Его лицо было блее мела, а голос звучал глухо:

— Лорд Берг, как видите, нам необходимо обсудить вопрос наследника вашего дома.

Комната закружилась перед глазами. Пять месяцев назад? Когда я ещё не попала в это тело? Когда настоящая Амели угасала от своей странной болезни? В висках застучала кровь.

Беатриса продолжала говорить, её голос становился всё слаще:

— Я больше не могла скрывать свою радость. Особенно теперь, когда ребёнок так явно даёт о себе знать, — она снова погладила живот. — Первенец дома Берг должен родиться в законном браке, не так ли?

Дарек медленно поднялся из-за стола. Его движения были плавными, как у хищника, готового к прыжку. Температура в комнате словно упала на несколько градусов.

— Леди Амели, леди Беатриса, — его голос прозвучал как удар хлыста, — прошу вас подождать в малой гостиной. Нам с вашими родителями, необходимо обсудить сложившуюся ситуацию.

До малой гостиной было всего три двери, но мне казалось, что я иду целую вечность. В голове звенело, а перед глазами

плясали чёрные пятна. Каждый шаг давался с трудом, словно я снова разучилась ходить. В сознании всплывали воспоминания, которые не принадлежали мне: Беатриса, крадущаяся по ночным коридорам, её торжествующие взгляды за завтраком, растущая слабость настоящей Амели, которую все списывали на болезнь...

Как только дверь за нами закрылась, Беатриса преобразилась.

Притворная мягкость исчезла с её лица, словно маска слепоты. Глаза вспыхнули злобным торжеством, а красивые губы искривились в презрительной усмешке.

— Ну что, сестричка, — процедила она, уперев руки в бока, — думала, всё так и будет? Ты и твоя чуть более высокая совместимость! — она презрительно фыркнула. — Да кому нужна эта совместимость? Я подарю ему ребёнка! Наследника!

— Что ты несешь? — я все еще не могла поверить в происходящее. Мое новое тело дрожало от переполнявших его эмоций. — Как ты могла? Ты же моя сестра!

— Сестра? — Беатриса расхохоталась, и этот смех больше походил на карканье вороны. — Да ты на себя посмотри! Бледная моль! Как такой достался самый могущественный инквизитор? Он должен был выбрать меня! — она подалась вперёд, и в её карих глазах вспыхнула ярость. — Знаешь, как это было? Каждый вечер, пока он гостил у нас, улаживая формальности вашего брака, я приходила к нему. И он не

отказывался!

Я отшатнулась, словно получила пощёчину.

— Ты... ты специально это спланировала? — мой голос дрожал, а к горлу подступала тошнота.

— Конечно! — Беатриса гордо выпрямилась, любовно поглаживая живот. В этот момент она была похожа на сытую кошку, дорвавшуюся до сметаны. — Думаешь, я позволю какой-то серой мышке стать женой Дарека Берга? Теперь всё изменится. У меня будет первенец. Наследник! А ты... ты станешь никем.

Двери распахнулись с тяжелым скрипом. На пороге застыли отец и Дарек. Лицо лорда Эвертона было белее мела, а глаза инквизитора казались еще холоднее обычного — настоящие осколки льда.

— Решение принято, — сухо произнес Дарек, и от его тона у меня по спине пробежал холодок. — Леди Беатриса станет моей второй женой.

— Что? — взвизгнула Беатриса так пронзительно, что задрожали стёкла в окнах. — Но так не должно быть! Я ношу вашего первенца! Я должна стать первой женой!

— В драконьих семьях, — размеренно продолжил Дарек, словно не слыша её криков, — бывают случаи, когда берут вторую жену, чтобы она родила детей. Обычно это происходит после многих лет бесплодного брака. — Его взгляд скользнул по мне, холодный и оценивающий, как у торговца, проверяющего качество товара. — Учитывая обстоятель-

ства, мы применим этот закон сейчас.

Я застыла, чувствуя, как каждое его слово вонзается в моё сердце ледяной иглой. Три месяца. Всего три месяца я была его женой. А теперь...

— Вам нехорошо, леди Амели? — бесстрастно поинтересовался Дарек, когда мы остались одни в кабинете. Он вернулся за свой стол, словно ничего не произошло, словно он не разрушил только что мою жизнь одним своим решением.

В горле встал ком, а из глаз вот-вот брызнули бы слезы. Но я сдержалась. В прошлой жизни я научилась скрывать физическую боль. Теперь мне предстояло научиться скрывать душевную боль.

— Почему она? Почему вы...? — я не смогла закончить вопрос. Как спросить ледяную статую о чувствах?

— Это не имеет значения, — отрезал он, возвращаясь к документам. Его длинные пальцы сжали перо с такой силой, что оно хрустнуло. — Свадьба состоится через неделю. Так будет правильно для ребёнка. — Он поднял голову и пронзил меня ледяным взглядом. — Распорядитесь подготовить для леди Беатрисы покои, смежные с нашими. В её положении ей понадобится постоянное наблюдение.

К горлу подступила тошнота. Смежные покои. Через тонкую стену от нашей спальни. Я до боли впиалась ногтями в ладони, пытаясь сохранить самообладание. Но даже эта боль не могла заглушить другую — ту, что разрывала сердце на части.

Холодный камень стены обжигал спину даже сквозь плотную ткань платья. Я медленно сползла вниз, обхватила руками колени и уткнулась в них лицом, пытаясь заглушить рвущиеся наружу рыдания.

Дарек уехал в столицу еще затемно — срочный вызов от короля не терпел отлагательств. Даже в такой день. Он собирался на рассвете: четкие, выверенные движения, ни одного лишнего жеста. Только пальцы, затягивающие шнуровку дорожного камзола, выдавали его напряжение.

— Я должен ехать, — сказал он, не глядя на меня. — Сегодня прибудет леди Беатриса. Постарайтесь... постарайтесь не создавать проблем в моё отсутствие.

Эти слова до сих пор болью отзывались где-то глубоко внутри. Как будто это я была источником всех проблем, а не его собственные действия. Как будто это не он сам разрушил наш хрупкий семейный мир одним своим решением.

Теперь за стеной раздавался звонкий смех Беатрисы, пронзительный и резкий, как звон разбитого стекла. От этого звука внутри всё сжималось в тугий комок. Она что-то щебетала служанкам, и её голос, пропитанный самодовольством, проникал в каждую щель, в каждую трещину между камнями, словно ядовитый плющ, медленно оплетающий старые стены.

— Нет-нет, эти шторы совершенно не подходят! — её голос стал капризным, в нём появились властные нотки, которые я уже начала ненавидеть. — Я же ясно сказала: мне нужны с золотой вышивкой! Как можно быть такими непонятливыми? Я ношу наследника дома Берг, всё должно соответствовать моему новому положению!

Я до боли закусила губу, вспоминая вчерашний вечер. Как истинная леди, я не позволила себе ни единого проявления слабости. Каждое движение, каждый жест были отточены годами воспитания настоящей Амели — той, чьё тело я теперь занимала. Распоряжения слугам были отданы ровным, спокойным голосом. Подготовка покоев для «дорогой сестры» была организована безупречно.

«Дорогая сестра» явилась поутру, немногим разминувшись с Дареком. Я встречала её в главном холле, как того требовал этикет. Беатриса вплыла в дом, словно уже была его хозяйкой. Её дорожный плащ небрежно полетел мне в руки, словно я была не старшей женой лорда Берга, а обычной служанкой. Она выставила напоказ свой живот с таким видом, словно носила под сердцем не просто ребенка, а как минимум будущего короля.

— Надеюсь, мои покои уже готовы, — это прозвучало не как вопрос, а как требование. — Я устала с дороги. И мне нужно позаботиться о здоровье малыша.

Сейчас, сидя на полу в своих покоях, я слышала, как она продолжает командовать:

— Немедленно пошлите за модисткой! Мне нужны новые платья в цветах рода Берг. И снять мерки для свадебного наряда — это самое главное. Я сама займусь подготовкой к церемонии, раз уж мой будущий муж так занят... — В её голосе появились маслянистые нотки. — Ах, бедняжка, столько работы! Даже не смог встретить меня...

— О, и еще! — голос Беатрисы за стеной стал еще более требовательным. — Мне нужно больше подушек. Для удобства. И позаботьтесь о том, чтобы на завтрак подавали свежие фрукты. Ребенок требует особого питания. Кстати, где здесь библиотека? Я хочу просмотреть семейные хроники дома Берг — нужно выбрать достойное имя для наследника...

Я зажмурилась, пытаюсь сдержать подступающие слёзы. Три месяца. Всего три месяца я была единственной хозяйкой этого дома. Три месяца я училась справляться с обязанностями леди Берг, запоминала привычки слуг, осваивалась в этом огромном особняке. И вот теперь... За стеной что-то с грохотом упало, и раздался возмущённый возглас Беатрисы:

— Вы что, совсем безрукие? Амели! АМЕЛИ! Иди сюда немедленно! Твои служанки — настоящие неумехи!

Её голос звенел от злости, и в нём слышалось что-то ещё — торжество. словно она специально создавала эти ситуации, чтобы показать свою власть, унижить меня перед слугами. В конце концов, что может быть унижительнее, чем вызывать старшую жену, словно простую служанку?

Я закрыла глаза, и воспоминания о прошлой жизни нахлынули, как штормовая волна. Больничные коридоры, пропахшие лекарствами. Бесконечные процедуры. Сочувствующие взгляды медсестёр. «Мне так жаль, но вы больше не сможете ходить...» Помню, как тогда не плакала — слёзы пришли позже, дома, когда осознание накрыло с головой.

Первые недели после аварии слились в один бесконечный кошмар. Вадим приходил каждый день, сидел рядом, держал меня за руку. Я видела, как он избегает смотреть на инвалидное кресло в углу палаты, как его взгляд скользит мимо моих безжизненных ног. Но я верила, что мы справимся. Что наша любовь сильнее этого испытания.

Я ошибалась.

Визиты становились всё короче. Всё чаще он ссылался на работу, на усталость, на срочные дела. А потом начались упрёки. Сначала едва заметные, потом всё более явные.

Ты совсем не стараешься, — говорил он во время очередного сеанса физиотерапии. — Другие после таких травм хотя бы пытаются встать на ноги».

Я пыталась. Господи, как я пыталась! Каждый день заставляла себя делать упражнения, разрабатывать руки, училась справляться с домашними делами, несмотря на дикую боль в спине. До кровавых мозолей на ладонях от колёс кресла, до изнеможения, до слёз по ночам.

Первое время Вадим ещё пытался помогать. Неуклюже, неумело, но пытался. Переставлял мебель, чтобы мне бы-

ло удобнее маневрировать на коляске. Купил специальные поручни для ванной. Даже записался на какие-то курсы по уходу за людьми с ограниченными возможностями. Правда, сходил всего два раза.

А потом он начал задерживаться на работе. Всё чаще и чаще. Возвращался поздно, пропахший сигаретами и чужими духами. Я делала вид, что не замечаю. Убеждала себя, что ему просто нужно время, чтобы привыкнуть. Что это временные трудности, и мы их преодолеем.

«Может, съездим куда-нибудь на выходных?» — предлагала я. «Я читала, что есть специальные туры для таких, как я...»

— Каких таких? — огрызнулся он. — Инвалидов? Чтобы все на нас пялились? Нет уж, спасибо.

Я многому научилась. Готовить, сидя в коляске. Стирать. Убираться, насколько позволяли силы. Даже записалась на онлайн-курсы веб-дизайна — думала, что смогу работать из дома. Вадим только посмеялся: «Ну-ну, давай. Только потом не проси денег на эти глупости».

Он не замечал моих успехов, зато каждую неудачу подчёркивал с каким-то злорадством. Разбитая чашка становилась поводом для получасовой лекции о моей неуклюжести. Пролитый суп превращался в скандал о бессмысленности моих попыток вести хозяйство.

— Я же говорил, не надо пытаться готовить, — скривился он, вытирая пол. — Только продукты переводить. Лучше бы

заказали доставку.

А потом я услышала, как он разговаривает по телефону. Он думал, что я сплю, но летняя духота заставила меня проснуться посреди ночи. Его голос доносился с балкона:

«Я так больше не могу, понимаешь? Прихожу домой — а там она, в своём кресле... Смотрит такими глазами... Как будто я ей что-то должен. Я же не подписывался на это! Я женился на здоровой женщине, а теперь что? Нянькой быть? Всю жизнь угробить?»

Я лежала, глядя в темноту, и чувствовала, как по щекам текут слёзы. А он продолжал:

«Да знаю я, что давал клятвы. В горе и в радости, бла-бла-бла... Но это другое! Это не горе, это какой-то приговор. Ни в кино сходить, ни на море съездить... Вечно эта коляска, вечно эти её попытки справиться самой, а потом полдня убираться за ней...»

Через неделю он собрал вещи. Даже не все — только самое необходимое. Бросил ключи на стол и заявил, что любовь не выдержала испытания. Что он не готов к такой ответственности. Что ему нужна нормальная жизнь.

— Прости, — бросил он напоследок, — но я женился не на инвалиде. Это слишком тяжело для меня.

Тяжело для него. В тот момент я даже не нашла слов для ответа. Просто смотрела, как он уходит, закрыв за собой дверь нашей — теперь уже моей — квартиры.

А потом был тот день, когда я листала ленту в социальных

сетях и наткнулась на свадебные фотографии. Сотни снимков счастливых молодожёнов. Моя младшая сестра Аня в белоснежном платье и... мой бывший муж. Они сияли от счастья, позируя на фоне арки из живых цветов. Гости поднимали бокалы за их счастье. Родители обнимали молодых, и их лица светились гордостью.

Помню, как телефон выскользнул из моих дрожащих рук. Как я пыталась набрать номер матери, промахиваясь по кнопкам. Её голос, когда она наконец ответила, был раздражённо-снисходительным:

— Ну а чего ты хотела? Мы решили не говорить тебе заранее. Да и неправильно было бы, если бы ты присутствовала на их свадьбе. Сидела бы там со слезами на глазах, что бы люди подумали? Не надо портить Анечке её счастливый день.

Каждое слово било, как пощёчина.

— Вадим всё равно бросил бы тебя, доченька. Пойми, мужчины не могут жить с инвалидами. Они любят глазами, а что бы он видел рядом с тобой? Инвалидное кресло?

Я слушала, не веря своим ушам. А мать продолжала:

— Анечка, она ведь давно его любила, просто молчала. А когда случилась авария, Вадиму нужна была поддержка, ему было тяжело морально. Аня не выдержала, призналась ему в своих чувствах, и всё закрутилось само собой.

— Мама... — только и смогла выдавить я.

— Доченька, только не звони им сейчас, ладно? У них ме-

довый месяц. Вот вернутся — сами с тобой поговорят.

Я повесила трубку. В висках стучало от несправедливости происходящего. Родители всегда больше любили младшую дочь, но такого я не ожидала даже от них.

Хотелось кричать от бессилия. Ведь это Вадим был виноват в аварии! Да, был гололёд, но если бы он не гнал так сильно... Я просила его сбавить скорость, умоляла быть осторожнее. Он только смеялся в ответ. Я никому не сказала о превышении скорости — слишком сильно любила его, хотела защитить. И вот как он отплатил за эту любовь.

Через месяц они действительно приехали. Загорелые, счастливые, сияющие. Я думала, что готова к этой встрече. Я ошибалась.

— Мы должны обсудить квартиру, — без предисловий начал Вадим. — Видишь ли, нам нужна жилплощадь для семьи.

— Какой семьи? — спросила я, уже догадываясь об ответе.

— Я беременна! — радостно объявила Аня, поглаживая живот. — Нам нужна трёшка, а тебе хватит и однушки. Много ли тебе надо? Зачем тебе столько комнат? Ты же всё равно не ходишь...

Я смотрела на них и не узнавала. Где та сестрёнка, которая плакала у меня на плече после первого разбитого сердца? Где тот мужчина, который клялся любить меня в горе и в радости?

— Нет, — мой голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Совместно нажитое имущество делится пополам. Если размениваемся, то на две двушки.

Их лица исказились от возмущения. А потом начались звонки от родителей. Бесконечные упрёки: как ты могла, это же твоя сестра, она беременна, у неё семья...

Я не выдержала. Сдалась. Позволила загнать себя в крошечную однушку на окраине города. А потом начались проблемы с сердцем — организм не выдержал постоянного стресса. Последний месяц той жизни я провела в больнице, глядя в потолок и пытаюсь понять, за что судьба так со мной обошлась.

Странно, но именно эти воспоминания остались со мной, не желая стираться под натиском памяти Амели. Возможно, потому что история повторялась с пугающей точностью. Снова сестра, снова предательство, снова ребёнок как оправдание всему.

За стеной Беатриса продолжала отдавать приказы, и каждое её слово отзывалось болью где-то глубоко внутри. Но в этот раз у меня были ноги. В этот раз я не собиралась сдаваться без боя.

Я медленно поднялась с пола, расправила плечи и подошла к зеркалу. Из серебряной глади на меня смотрела красивая молодая девушка с гордой осанкой, огненно медными волосами и решительным взглядом. Да мне было далеко до красоты Беатрисы, яркой брюнетки с пышной грудью, но и

бледной молью меня не назвать. Больше никаких слёз. Больше никаких уступок.

— Амели! — снова раздался её крик, более требовательный. — Где ты ходишь? Я жду!

Я сделала глубокий вдох и направилась к двери. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла не по ковру, а по битому стеклу. Но я шла — прямая, как струна, с высоко поднятой головой. В конце концов, я была леди Берг, а она пока носит имя рода Эвертон. Ей не стоит это забывать.

 Уважаемые читатели! Если вам понравилась книга, я очень этому рада . В этом случае поставьте, пожалуйста, лайк . Ну, а если ещё и добавите в библиотеку и напишете коммент, я буду на седьмом небе от счастья, а прода будет писаться ещё быстрее
Подпишитесь, пожалуйста, на мою страничку, чтобы быстрее всех узнавать о новостях и обновлениях: <https://litnet.com/shrt/nCat>

Я плавно, без спешки открыла дверь в покои Беатрисы. В комнате царил настоящий хаос — повсюду были разбросаны ткани, а две служанки пытались развесить новые шторы, балансируя на стремянках.

— Наконец-то! — Беатриса восседала в кресле, словно на троне. — Где ты была? Твои служанки совершенно не умеют работать!

Я окинула комнату внимательным взглядом. Юная Мари, дрожащими руками державшая отрез тяжёлой парчи, побледнела, увидев меня. Вторая служанка, Агата, чуть не выронила корзину с лентами.

— Что именно тебя не устраивает, дорогая сестра? — мой голос звучал спокойно и холодно.

Беатриса картинно вздохнула, поглаживая живот:

— Всё! Абсолютно всё! — она повысила голос, явно играя на публику. — Эти шторы висят так криво, что у меня кружится голова. Подушки твёрдые, как камень, — ты что, хочешь, чтобы у меня заболела спина? А эта... — она небрежно махнула рукой в сторону Мари, — эта неуклюжая девчонка чуть не облила меня водой! Я вынашиваю наследника, а тут такое безобразие!

— Простите, миледи, — голос Мари дрожал, как осенний лист. — Я просто...

— Молчать! — Беатриса резко подалась вперёд, и девушка отшатнулась, едва не упав со стремянки. — Я не давала тебе слова! Амели, немедленно избавься от этой неумехи. Я не потерплю такого обращения. Ребёнку нужен покой, а не этот бедлам!

Она поднялась с кресла с грацией королевы, величественно расправляя складки платья. В каждом её движении сквозило самодовольство человека, уверенного в своей власти.

— Впрочем, — её голос стал медоточивым, но за этой сладостью явно чувствовался яд, — чего ожидать от прислуги, если сама хозяйка не способна навести порядок? Придётся мне взять управление домом в свои руки. В конце концов, — она снова погладила живот, — я ношу наследника рода Берг.

По комнате пробежал испуганный шепот. Служанки замерли, боясь пошевелиться. Беатриса торжествующе улыбнулась, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

Я медленно прошла через комнату, и каждый мой шаг гулко отдавался в наступившей тишине.

— Леди Беатриса, — произнесла я, и от холода в моем голосе на окнах мог бы появиться иней, — позвольте напомнить вам несколько важных моментов.

Сестра вскинула брови, явно не ожидав такого тона.

— Во-первых, эти служанки служат в доме Бергов дольше, чем вы находитесь в положении. Во-вторых, — я сделала паузу, — пока не состоялась свадьба, вы всего лишь гостья в этом доме. Гостья, которой оказана честь и милость.

— Да как ты смеешь! — задохнулась от возмущения Беатриса. — Я ношу наследника...

— Именно поэтому, — перебила я её, — вам следует беречь нервы и не создавать лишних волнений. Мари!

— Да, миледи? — девушка вздрогнула.

— Принеси леди Беатрис успокаивающий отвар. И принеси свежие фрукты — ребёнку нужны витамины.

Беатриса побагровела:

— Ты... ты не можешь указывать мне! Я сама знаю, что нужно моему ребёнку! Когда Дарек вернётся...

— Когда лорд Берг вернётся, — мой голос стал ещё холоднее, — он будет рад узнать, что его будущая ВТОРАЯ жена соблюдает этикет и заботится о своём здоровье, а не закатывает истерики по пустякам.

В комнате повисла звенящая тишина. Беатриса открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Её лицо из багрового стало белым, как мел.

— Агата, — я повернулась к старшей служанке, — проследи, чтобы леди Беатриса приняла отвар и отдохнула. В её положении действительно нужен покой. И да, — я остановилась в дверях, — если понадобится моя помощь, пришлите за мной. Но только если это действительно необходимо.

Я вышла, не оглядываясь, но спиной чувствовала испепеляющий взгляд сестры. Едва за мной закрылась дверь, как внутри что-то с грохотом разбилось. Кажется, ваза или графин.

— Ты пожалеешь об этом, — донесся до меня сдавленный шепот Беатрисы. — Клянусь, ты горько пожалеешь...

Я поспешила прочь по коридору, сердце колотилось как сумасшедшее. Внутри все дрожало от пережитого напряжения, но я знала, что это только начало. Беатриса не из тех, кто легко признает поражение. Она затаится и ударит, когда я меньше всего буду этого ожидать.

В конце коридора я заметила, как одна из горничных то-ропливо скрылась за поворотом. Новости в замке разносятся быстро. К вечеру все будут знать, что тихая и спокойная леди Амели, не позволит своей наглой сестрице нарушить устоявшийся в доме порядок.

Древний фолиант о драконьей магии лежал у меня на коленях, но буквы плясали перед глазами, сливаясь в бессмысленные узоры. Мысли упорно возвращались к утренней стычке с Беатрисой. Я машинально потерла виски, пытаюсь унять пульсирующую боль. Внутренний голос твердил, что я поступила правильно, показав сестре её место, но противный холодок страха всё равно скользил по позвоночнику..

Вечернее солнце медленно истекало кровью на горизонте, окрашивая небо в зловещие багряные тона, когда тишину разорвал звук подъезжающей кареты. Я вздрогнула, роняя книгу, и поспешила к окну. Сердце пропустило удар, когда я увидела знакомый чёрный экипаж с серебряным гербом дома Берг – два дракона, сплетённые в бесконечном танце вокруг морозной розы.

Дарек выпрыгнул из кареты одним текучим движением, даже не дожидаясь, пока слуги подставят лестницу. Его длинный дорожный плащ развевался на промозглом осеннем ветру, как вороново крыло, а серебристые волосы в лучах заходящего солнца казались окрашенными живым пламенем. На мгновение я позволила себе залюбоваться его статной фигурой — высокий, широкоплечий, с той хищной грацией, что выдаёт в нём драконью кровь. Но я тут же одёрнула себя. Не время для глупых девичьих грёз о прекрасном

принце — особенно учитывая, что мой "принц" собирается взять в жёны мою же сестру.

— Распорядитесь накрыть в большой столовой, — приказала я появившейся в дверях служанке. — И передайте леди Беатрисе, что лорд Берг вернулся.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице, я уже издали заметила Беатрису, занявшую стратегическую позицию в холле. Мои губы невольно сжались в тонкую линию — сестрица времени даром не теряла. Она облачилась в новое платье глубокого синего цвета, расшитое серебром — цвета дома Берг. Роскошный наряд был искусно скроен так, чтобы подчеркнуть её округлившийся живот, не делая его при этом слишком явным. Даже волосы были уложены по последней столичной моде — каскад чёрных локонов, перехваченных серебряными нитями. Видимо, она успела вызвать не только портниху, но и парикмахера.

— Дорогой! — проворковала она, когда Дарек вошёл в холл, и её голос был слаще мёда. — Как же я рада, что вы вернулись!

Мой муж окинул нас обеих равнодушным взглядом своих ледяных глаз. В этот момент они действительно напоминали осколки арктического льда — такие же холодные и безжизненные.

— Буду в столовой через четверть часа, — бросил он коротко и направился к лестнице, даже не удостоив Беатрису ответом на её приветствие.

Я испытала мимолётное удовлетворение, заметив, как

сестра прикусила губу от досады. Её холёное лицо на мгновение исказила гримаса злости, но она тут же спрятала её за маской благопристойности.

В столовой воздух, казалось, можно было резать ножом — такое там царило напряжение. Беатриса устроилась напротив меня, то и дело бросая в мою сторону взгляды, полные плохо скрываемой ненависти. Её пальцы нервно теребили салфетку, комкая тонкое полотно.

— Что же вы, дорогая сестра, — не удержалась я от шпильки, — весь день предпочитали трапезничать в одиночестве, а теперь вдруг решили почтить своим присутствием?

— О, — Беатриса растянула губы в улыбке, больше похожей на оскал, — просто не хотела портить себе аппетит видом некоторых... самозванцев.

Я застыла, чувствуя, как кровь отливает от моего лица. Неужели она что-то заподозрила? Неужели каким-то образом догадалась, что я — не та Амели, которую она знала с детства?

— Что вы имеете в виду? — мой голос прозвучал хрипло, и я поспешно сделала глоток воды, чтобы скрыть волнение.

— А то, что ты незаконно находишься на моём месте! — прошипела она, подавшись вперёд так резко, что её локоть смахнул салфетку на пол. — Думаешь, я не вижу, как ты изменилась? Это явно запретная магия! Раньше ты никогда бы не посмела так со мной разговаривать! Ты знала своё место!

— Зато ты, похоже, забыла своё, — парировала я, хотя внут-

ри у меня всё похолодело. Её слова били слишком близко к правде, хоть она и не могла знать истинного положения вещей.

– Место? – Беатриса рассмеялась, но в её смехе слышалась истерика. – Моё место должно было быть рядом с Дареком с самого начала! Он выбрал бы меня, если бы не эта нелепая магическая совместимость! – Её глаза лихорадочно блестели. – Но теперь... – она любовно погладила живот, и в этом жесте было что-то противоестественное, почти маниакальное, – теперь всё изменится.

Мы обе вздрогнули, когда двери столовой распахнулись. Дарек вошёл бесшумно, как и подобает дракону. Его серебристые волосы, ещё влажные после купания, мягко переливались в свете магических светильников. Тёмно-синий камзол, расшитый серебром, идеально подчёркивал его мощную фигуру. Но моё внимание приковали его глаза — более холодные, чем обычно, если такое вообще возможно.

– Приятного аппетита, – произнёс он, занимая место во главе стола.

Беатриса тут же подалась вперёд, одарив его ослепительной улыбкой: – Как прошла поездка, дорогой? Надеюсь, вы не слишком устали? Может быть...

– Завтра на рассвете, – перебил её Дарек, даже не взглянув в её сторону, – мы отправимся в храм Скорбящей Богини.

Я с удовлетворением заметила, как сестра побледнела, а её самоуверенная улыбка померкла: – В храм? Но... зачем?

– Чтобы проверить, моего ли ребёнка вы носите под сердцем, – голос Дарека звучал так же бесстрастно, как если бы он обсуждал погоду или меню завтрашнего обеда.

Вилка Беатрисы со звоном упала на тарелку, разбивая гнетущую тишину: – Что? Но... как вы можете... я же... – она задыхалась от возмущения, её лицо пошло красными пятнами. – Вы мне не доверяете?

– Я никому не доверяю, – Дарек отправил в рот кусочек мяса и прожевал его с нечеловеческой неторопливостью. – Это одна из причин, почему я всё ещё жив.

– Но это же оскорбление! – в голосе Беатрисы зазвенели слёзы, и я готова была поклясться, что они были искренними. – Я ношу вашего ребёнка! Как вы можете подвергать сомнению...

– Если вы действительно носите моего ребёнка, – Дарек промокнул губы салфеткой с той же убийственной неторопливостью, – то вам нечего бояться. Жрицы Скорбящей Богини это подтвердят.

Я наблюдала за этой сценой, чувствуя, как внутри разливается странное тепло.

Беатриса металась взглядом между нами, как загнанное в угол животное. Её лицо покрылось красными пятнами, а руки дрожали так сильно, что она едва могла удержать бокал с водой.

– Но... но это же опасно! – воскликнула она с отчаянием в голосе. – В моём положении... дальняя дорога...

– Карета будет оборудована всем необходимым, – отрезал Дарек. – И целитель поедет с нами.

– А если я откажусь? – в голосе Беатрисы прорезались истеричные нотки.

Взгляд Дарека наконец сфокусировался на ней, и я невольно поёжилась. В его глазах плескался арктический холод: – Вы вправе отказаться. В таком случае завтра же покинете мой дом и больше никогда не переступите его порог.

– Но... но ребёнок...

– Если он действительно мой, – Дарек поднялся из-за стола с грацией хищника, готового к прыжку, – вы не откажетесь от проверки. Если нет... – он пожал плечами с убийственным безразличием, – значит, разговор окончен. Доброй ночи, дамы.

Он вышел из столовой, оставив нас в оглушительной тишине. Беатриса сидела, вцепившись побелевшими пальцами в край стола так, словно это была её последняя опора в рушащемся мире. Её лицо приобрело зеленоватый оттенок, а в глазах плескался неприкрытый ужас.

– Это ты! – прошипела она вдруг, впившись в меня взглядом, полным такой ненависти, что я невольно отшатнулась. – Ты нашептала ему! Ты ведьма! – Её голос срывался на визг. – Я ему расскажу, что ты умерла тогда, я своими глазами видела, что ты умерла, а потом вдруг ожила! Ты использовала запретную магию! Дарек сам тебя убьёт, когда узнает правду!

Я застыла, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Зна-

чит, Беатриса была там, когда настоящая Амели умирала? Значит, она видела... что именно она видела?

Сестра вскочила так резко, что опрокинула свой стул. Тяжёлое красное дерево с грохотом ударилось об пол, но она, казалось, даже не заметила этого: — Ты... ты ещё пожалеешь! — её голос сорвался на пронзительный визг. — Я всё равно добьюсь своего! Слышишь? Всё равно!

Она выбежала из столовой, едва не сбив с ног служанку с подносом. Испуганная девушка отшатнулась к стене, прижимая к груди поднос с десертом, который теперь вряд ли кто-то станет есть.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя странную смесь торжества и тревоги. Что-то подсказывало мне, что завтрашний визит в храм Скорбящей Богини будет очень, очень интересным. Вот только чем он обернётся для меня самой? Ведь если жрицы способны определить истинного отца ребёнка... что ещё они могут увидеть? Не разглядят ли они, что я — самая настоящая самозванка в теле Амели?

Ночь выдалась необычайно холодной для начала осени. Я лежала в огромной супружеской постели, кутаясь в тяжёлые меховые одеяла, но согреться никак не получалось. Дарек так и не пришёл — снова засиделся в кабинете над какими-то срочными бумагами. Тревожное предчувствие не давало мне уснуть.

Что-то происходило в королевстве. Я замечала это по участвовавшим визитам курьеров, по обрывкам разговоров слуг, по тому, как хмурился Дарек, читая очередное донесение. Но стоило мне заговорить об этом, как он лишь одаривал меня своим фирменным ледяным взглядом: «Это не женское дело, миледи».

Я невольно усмехнулась горькой иронии — даже в своих мыслях он оставался таким же отстранённым. Впрочем, чего я ожидала? Инквизиторы славились своей безграничной властью и такой же безграничной холодностью. Не зря ведь в их ряды принимали только представителей рода ледяных драконов.

Перевернувшись на другой бок, я рассеянно провела рукой по прохладной шелковой простыне. Где-то в глубине души теплилась предательская надежда, что он все-таки придет. Что, может быть, сегодня он захочет поговорить, поделиться своими тревогами... Глупые мечты. Инквизиторы не

делятся тревогами. У них их просто нет — выжжены драконьей магией еще в детстве вместе со всеми остальными чувствами.

Я помнила, как воспитатели в поместье Эвертонов рассказывали нам об этом. «Инквизиторам дарована высшая власть, право казнить и миловать, — говорили они. — Потому что их решения никогда не затуманены эмоциями. Они видят только правду и действуют только по закону, не щадя даже собственных родных».

Тогда это казалось таким романтичным — могущественный, красивый и абсолютно неприступный муж. Куда лучше, чем прозябать в родительском доме, где каждый день напоминал о том, что ты — нелюбимая старшая дочь. Где всё лучшее всегда доставалось Беатрисе.

Новые платья? «Конечно, дорогая, выбирай любое! А ты, Амели... ну, возьми вот это — Беатрисе оно всё равно не идёт». Драгоценности? «О, эти сапфиры так чудесно оттеняют глаза твоей сестры! А тебе подойдёт и жемчуг». Даже игрушки в детстве — сначала Беатриса выбирала то, что ей нравится, а мне доставались остатки.

И только однажды, единственный раз в жизни, мне повезло больше. Девяносто три процента магической совместимости с самым завидным женихом королевства! Я до сих пор помню ненавидящий взгляд сестры, когда огласили результаты. Но даже в страшном сне я не могла представить, на что она способна...

Утро застало меня почти без сил. Ночь, проведённая в тревожной полудрёме, не принесла отдыха. Сборы были суетливыми — казалось, весь дом охватила лихорадочная суета. Служанки сновали туда-сюда с охапками подушек и пледов для «бедной леди Беатрисы, ей же нельзя утомляться в её положении».

Карета оказалась настоящей пыткой. Беатриса, разумеется, заняла целую скамью, возлежав среди подушек с видом страдальцы. Она то и дело прикладывала надушенный платочек к вискам и тяжело вздыхала, бросая на Дарека томные взгляды.

Мы же — я, муж и молчаливый лекарь — сидели напротив, выпрямив спины, словно проглотили по шпаге. От тряски у меня ныла поясница, но я не позволяла себе даже поморщиться. Только крепче сжимала зубы при каждом толчке на ухабах.

Так мы и ехали — в гробовой тишине, нарушаемой лишь томными вздохами Беатрисы и скрипом колёс. Впереди маячили серые башни храма Скорбящей Богини, и с каждой милей моя тревога росла. Что найдут жрицы, заглянув за грань видимого? И главное — что они увидят во мне самой?

Дорога к храму петляла между холмами, утопающими в осеннем тумане. Храм Скорбящей Богини возник из тумана величественной громадой — древние серые стены, увитые чёрным плющом, вздымались к хмурому небу. Но больше всего меня поразило то, что массивные ворота были уже распахнуты настежь, словно нас ждали. На широких ступенях выстроилась процессия жриц в серых одеяниях, их лица скрывали полупрозрачные вуали.

— Всё готово, милорд, — произнесла верховная жрица, выступая вперёд. Её тёмно-серое, почти чёрное одеяние выделялось на фоне светлых нарядов остальных жриц. — Мы получили ваше послание и провели все необходимые приготовления.

Я бросила быстрый взгляд на Дарека. Значит, он все спланировал заранее? Впрочем, чему я удивляюсь — мой муж никогда ничего не делает спонтанно.

Нас провели через анфиладу полутемных коридоров, где магические светильники мерцали холодным голубоватым светом. Беатриса заметно нервничала — её показная томность куда-то испарилась, уступив место плохо скрываемому беспокойству.

Главный зал храма поражал своими размерами — высокие стрельчатые своды терялись в полумраке, витражные ок-

на отбрасывали на пол причудливые цветные тени. Воздух был насыщен благовониями и древней магией, от которой покалывало кончики пальцев.

В центре зала возвышался Камень Истины — массивный артефакт молочно-белого цвета. Его поверхность уже светилась мягким внутренним светом, а руны по бокам пульсировали, словно живые. Видимо, жрицы начали подготовку к ритуалу задолго до нашего прибытия.

— Всё готово, — произнесла верховная жрица. — Лорд Берг, леди Беатриса, прошу вас к Камню.

Жрицы пришли в движение с отточенной слаженностью, словно репетировали этот момент не один раз. Их песнопения на древнем языке наполнили зал, отражаясь от стен и создавая жуткую какофонию звуков.

Дарек подошел к артефакту, двигаясь с привычной хищной грацией. Беатриса следовала за ним, и ее походка уже не была такой уверенной, как в карете. Когда они встали по обе стороны от камня, верховная жрица заняла позицию между ними.

— Руки на камень, — скомандовала она, и в тот же миг, когда их ладони коснулись белой поверхности, артефакт вспыхнул ослепительным светом.

Верховная жрица положила одну руку на живот Беатрисы, а другую — на камень. Свечение усилилось, превратившись в яркий кокон света, окутавший всех троих.

— Кровь рода Берг течёт в этом ребёнке, — произнесла

жрица, когда сияние начало угасать. — Древняя магия подтверждает это.

Беатрис просияла: — Я же говорила! Как вы могли сомневаться...

— Однако, — голос верховной жрицы внезапно стал мягче, почти просительным, — позвольте нам осмотреть леди Амели, лорд Берг.

Дарек медленно повернулся к жрице. В зале заметно похолодало — его драконья сущность всегда проявлялась, когда кто-то пытался указывать ему, что делать.

— Зачем? — в его голосе звенел лед.

— В её ауре есть странные пятна, милорд, — жрица склонила голову, признавая его превосходство. — Мы просим вашего разрешения изучить их. Это может быть важно.

Я заметила, как Беатриса, только что наслаждавшаяся своим триумфом, внезапно побледнела. Она судорожно вцепилась в рукав Дарека.

— Нам пора, — прошептала она дрожащим голосом. — Ребенку нужен отдых...

Дарек еще несколько мгновений сверлил жрицу взглядом, затем коротко кивнул: — У вас есть полчаса. — Его голос не допускал возражений. — Ни минутой больше.

Беатриса практически повисла на его руке: — Идемте, прошу вас, — в ее голосе слышалось едва сдерживаемое отчаяние. — Мне... мне нехорошо...

— Встаньте в центр круга, леди Амели, — голос верховной жрицы эхом разнёсся по огромному храмовому залу.

Древние руны, мерцавшие на полу, пульсировали медленно и ритмично. Каждый шаг давался с трудом — ноги налились свинцом, а в горле пересохло. Я чувствовала на себе изучающий взгляд мужа и встревоженные взгляды жриц.

Стоило мне переступить границу круга, как по телу прокатилась волна жара, сменившаяся пронизывающим холодом. Воздух вокруг сгустился и словно наэлектризовался. Жрицы затянули новую песнь — низкий, утробный звук, от которого вибрировали даже камни в стенах.

Прохладные пальцы верховной жрицы коснулись моего лба, и реальность поплыла, окрасившись всеми оттенками лилового. Сквозь эту пелену я видела, как исказилось лицо женщины — её глаза расширились, а губы сжались в тонкую линию.

— Боги милосердные... — прошептала она, и от этого шёпота у меня по спине побежали мурашки. — Здесь следы запретной магии. Кровавые узоры ввелись в самую структуру ауры.

Мир покачнулся. Кровавая магия? Та самая, за использование которой инквизиторы отправляли на костер без суда и следствия?

— Нет! — мой голос сорвался на хрип. — Это какая-то ошибка! Я никогда... я не могла...

В зале заметно похолодало. Дарек не пошевелился, но воздух вокруг него начал кристаллизоваться.

— Тише, дитя, — жрица говорила мягко, но в её голосе отчётливо слышалось беспокойство. — Судя по рисунку энергетических потоков, это могло быть воздействие извне. Возможно, на вас было совершено магическое нападение.

По залу прокатился испуганный шепот других жриц. Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног.

— Мы обязаны сообщить об этом в Инквизицию, — голос верховной жрицы звучал официально и холодно. — А поскольку ваш муж сам является инквизитором...

Она не закончила фразу, но я поняла, что сейчас решается моя судьба. Я медленно повернулась к Дареку. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах застыло что-то, чего я никогда раньше не видела.

- У вас есть предположения о времени применения этой магии? - голос Дарека прозвучал размеренно и спокойно, но от этого спокойствия у меня по коже побежали мурашки.

Верховная жрица прикрыла глаза, её пальцы снова коснулись моего лба, словно считывая невидимые письмена.

- Сложно сказать точно, милорд... Следы размыты, но... - она нахмурилась, - я бы сказала, около полугода назад. Возможно, чуть меньше.

В висках застучала кровь. Полгода назад? Именно то-

гда я... то есть настоящая Амели... Воспоминания накатили удушливой волной - жар, боль, тяжесть в груди, туман перед глазами...

- Я разберусь с этим, - коротко кивнул Дарек. - Лично.

- Разберётесь? - пронзительный голос Беатрисы заставил всех вздрогнуть. Она стояла, вцепившись побелевшими пальцами в колонну, и её лицо исказилось от ярости. - Да тут и разбираться нечего! Она чернокнижница! Ведьма!

- Леди Беатриса... - начала было верховная жрица, но моя сестра не дала ей договорить.

- Я всё видела! - её голос сорвался на визг. --Полгода назад она умирала! Я сама видела, как она лежала без движения, без дыхания! А потом... потом она вдруг открыла глаза, словно ничего и не было! - Беатриса перевела безумный взгляд на Дарека. - Вы же инквизитор! Вы должны защищать королевство от тёмной магии! От таких, как она!

В зале повисла звенящая тишина.

- Она осквернила храм своим присутствием! - Беатриса шагнула вперёд, её лицо покрылось красными пятнами - Она использовала запретную магию, чтобы обмануть смерть! Чтобы обмануть всех нас! Вы должны...

- Довольно! - голос Дарека прозвучал как удар хлыста. В зале стало так холодно, что дыхание превращалось в пар. - Вы забываетесь, леди Беатриса.

- Но...

- Я сказал, довольно, - каждое его слово падало, как капля

льда. - Верховная жрица, мы закончили?

Жрица медленно кивнула, но её взгляд был прикован к Беатрисе, словно она увидела что-то... что-то важное.

- Да, милорд. Мы сообщили всё, что смогли обнаружить.

- В таком случае, нам пора.

Он направился к выходу, даже не взглянув в мою сторону. Я последовала за ним на негнущихся ногах, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Что он думает? Что решил? Поверил ли истерике Беатрисы?

Моя сестра выбежала следом, но её показная уверенность куда-то испарилась.

В карете повисло гнетущее молчание. Дарек смотрел в окно с таким видом, будто был здесь совершенно один. Беатриса забилась в угол, обхватив руками живот - защитный жест, который почему-то показался мне фальшивым. А я... я просто пыталась дышать, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Обратный путь казался бесконечным. Колеса кареты мерно постукивали по каменистой дороге, и каждый удар отдавался в висках тупой болью. После посещения храма Скорбящей Богини в салоне повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Беатрисы. Ее лицо приобрело нездоровый сероватый оттенок, а пальцы беспрестанно тербли кружевной платок, словно пытаясь разорвать тонкое полотно на части.

Я смотрела в окно, пытаясь отвлечься от водоворота тревожных мыслей. Осенний пейзаж за стеклом расплывался серо-бурым маревом — деревья сливались в однообразную массу, утопающую в молочном тумане. Внезапно карета дернулась и остановилась, да так резко, что меня бросило вперед.

— Что случилось? — Беатриса подалась вперед, нервно комкая свой многострадальный платок. В ее голосе прозвучали истерические нотки.

За окном послышались приглушенные голоса и топот множества копыт. Дарек отодвинул бархатную шторку одним резким движением, и я увидела людей в черной форме королевской тайной службы. Они оцепили дорогу, выставив посты через каждые несколько шагов. Их лица были мрачны и сосредоточены.

Один из офицеров, заметив герб на дверце кареты, поспешил к нам. Узнав Дарека, он заметно приободрился:

— Лорд Берг! — выдохнул он с явным облегчением. — Какая удача — мы как раз собирались отправлять за вами гонца. — Он бросил настороженный взгляд в нашу сторону и понизил голос до шепота: — Снова чернокнижники... Вам лучше взглянуть самому.

По его тону я поняла — случилось что-то действительно страшное. Дарек, казалось, пришел к тому же выводу. Он коротко кивнул и, прежде чем выйти из кареты, бросил нам: — Оставайтесь здесь.

Не успела дверца захлопнуться, как Беатриса побледнела еще сильнее и схватилась за живот театральным жестом:

— Мне дурно... Лекарь!

Целитель, дремавший в углу кареты, встрепенулся и засуетился вокруг нее с флакончиками и примочками. Удушливый запах нюхательной соли заполнил тесное пространство кареты, вызывая тошноту. Я поспешила выбраться наружу, жадно глотая свежий осенний воздух.

Туман клубился между деревьями, превращая лес в призрачный лабиринт. Узкая тропинка, едва заметная среди опавших листьев, вела в ту сторону, куда ушли офицеры с Дарekom. И именно оттуда, из молочно-белой пелены, до меня донесся звук — тихий, похожий на детский плач. Я замерла, прислушиваясь. Может, показалось?

Но нет — снова этот звук, такой отчетливый и в то же вре-

меня нереальный. Что-то внутри меня отозвалось на этот плач, потянулось к нему, словно невидимая нить связала меня с его источником. Я шагнула вперед, не в силах противиться этому зову.

Подол платья намок от росы и отяжелел, цепляясь за влажные кусты, но я упрямо продиралась вперед, пока не услышала приглушенные голоса. Осторожно раздвинув ветви, я застыла, зажав рот рукой, чтобы не закричать.

Поляна перед моими глазами казалась декорацией к кошмарному спектаклю. Земля была залита кровью, превратившей осеннюю траву в бурое месиво. Тяжелый металлический запах ударил в ноздри, вызывая приступ тошноты. По краям поляны, словно жуткие часовые, возвышались пять столбов. К каждому была привязана женщина в белом — точнее, в некогда белом одеянии, теперь пропитанном кровью. Их руки, исполосованные глубокими ритуальными ранами, безжизненно повисли, и с запястий все еще капала кровь, собираясь в маленькие лужицы у основания столбов.

— Тот же почерк, — услышала я голос одного из офицеров. В его тоне сквозило плохо скрываемое отвращение. — Те же символы на земле, та же пентаграмма из жертв...

Дарек стоял в центре поляны, его серебристые волосы казались почти белыми на фоне окружающего багрянца. Он медленно поворачивался, изучая каждую деталь страшной картины, и воздух вокруг него словно кристаллизовался от холода.

— Четвёртый случай за месяц, — проговорил он, и его голос был подобен морозному ветру. — И снова все жертвы — рыжеволосые.

Я невольно коснулась своих медно-рыжих локонов, чувствуя, как по спине пробежал холодок. В этот момент под моей ногой предательски хрустнула ветка. Дарек развернулся одним стремительным движением. Его глаза вспыхнули ледяной яростью, когда он увидел меня:

— Я же велел оставаться в карете.

— Я... я слышала плач, — пробормотала я, отступая под его тяжелым взглядом. Только сейчас я поняла, насколько глупо было идти сюда .

— Плач? — один из офицеров нахмурился, его рука непроизвольно легла на рукоять меча. — Здесь некому плакать, миледи. Все жертвы мертвы уже несколько часов.

Но я снова слышала его — тихий, надрывный звук, похожий на всхлипывания ребёнка. Он доносился откуда-то из-за деревьев, с противоположной стороны поляны. Звук был таким отчетливым, таким настоящим, что я не понимала, как остальные могут его не слышать.

— Нет, я точно слышу! Кто-то плачет! — я сделала шаг в сторону звука, но Дарек схватил меня за локоть. Его пальцы были ледяными даже сквозь ткань платья.

— Немедленно возвращайся в карету, — в его голосе звенела сталь. — Здесь небезопасно.

— Но там кто-то есть! — я попыталась высвободить руку.

— Что, если там кто-то живой? Что, если им нужна помощь?

— Мы всё осмотрели, — вмешался офицер. Его лицо выражало смесь раздражения и беспокойства. — Здесь никого...

— Но я слышу плач, — упрямо повторила я, вглядываясь в сумрак леса за поляной. Всхлипывания становились все отчетливее, словно манили меня, звали за собой. — Там кто-то есть!

Дарек нахмурился, его пальцы на моем локте чуть разжались. В его глазах мелькнуло что-то похожее на беспокойство:

— Это нервы. После всего увиденного неудивительно...

Но я уже не слушала. Тихие всхлипывания, которые, казалось, слышала только я, вели меня все дальше от страшной поляны. Вырвавшись из хватки мужа, я бросилась через заросли, не обращая внимания на цеплявшиеся за платье ветки и колючки. Подол безнадежно испортился, но мне было все равно.

— Амели! — голос Дарека прозвучал раздраженно. — Немедленно вернись!

За спиной затрещали ветки — муж и офицеры бросились следом. Но я не могла остановиться. Плач становился все отчетливее, вел меня, словно путеводная нить.

За поляной начинался старый лес. Деревья здесь были выше, их кроны смыкались над головой, почти не пропуская свет. Огромное дерево, чьи корни, вывороченные каким-то

древним ураганом, образовывали причудливый природный грот, преградило мне путь. Я обогнула массивный ствол и замерла.

В укрытии между корней, свернувшись калачиком, сидела маленькая девочка. Ее рыжие волосы спутались и слиплись от грязи, а некогда нарядное платье превратилось в лохмотья. Она тихо всхлипывала, уткнувшись лицом в колени.

— Вот видите! — воскликнула я, когда услышала за спиной тяжелое дыхание догнавших меня мужчин. — Я же говорила, что здесь кто-то есть!

Только сейчас, обернувшись, я заметила, как изменились их лица. Они смотрели то на корни дерева, то на меня, со смесью удивления и тревоги

— Где? — хрипло спросил один из офицеров. Его рука снова легла на меч. — О ком вы говорите, леди?

— Как где? Вот же она! — я указала на девочку, которая, казалось, даже не заметила нашего появления и продолжала плакать. — Прямо перед вами!

Дарек медленно положил руку мне на плечо. От его пальцев исходил такой холод, что я почувствовала его даже сквозь ткань платья. Когда он заговорил, его голос был непривычно мягким, почти нежным:

— Амели, — произнес он очень тихо, — там никого нет.

Данный роман участвует в литмобе "ПОПА-ДАНКА В БЕДЕ"

Все книги этого моба можно найти здесь : <https://>

litnet.com/shrt/n2c8

— Как это нет? — я в растерянности переводила взгляд с призрачной фигурки на хмурые лица мужчин. Реальность словно раздвоилась: с одной стороны, маленькая девочка, такая настоящая, живая, что, казалось, протяни руку — и коснёшься её спутанных рыжих волос. С другой — эти непроницаемые лица, полные скептицизма и тревоги. — Она же прямо здесь, между корнями! Посмотрите внимательнее...

Слова срывались с губ помимо моей воли, пока я лихорадочно описывала каждую деталь: грязное белое платье, некогда нарядное, с оборками и кружевами, а теперь превратившееся в лохмотья. Изодранный подол, на котором бурые пятна складывались в жуткий узор, заставивший моё сердце сжаться от ужаса. Тонкие, почти прозрачные пальчики, вцепившиеся в колени с такой силой, что костяшки побелели.

— Ей не больше десяти лет, — мой голос дрогнул, когда я заметила на её шее тонкую полоску — след от верёвки, впившейся в нежную кожу. — Она так напугана...

Офицер, немолодой мужчина с седеющими висками, переглянулся с остальными стражниками. В его взгляде читалось снисходительное сочувствие, с каким обычно смотрят на душевнобольных или юродивых.

— Миледи, вы, должно быть, перенервничали, — протянул он, тщательно подбирая слова, словно боялся спугнуть

дикого зверька. — После зрелища на поляне неудивительно, что вам мерещится всякое... Может, вызвать целителя?

В его тоне сквозило плохо скрываемое беспокойство — не за меня, а за свою карьеру. Ещё бы — супруга высокопоставленного инквизитора вдруг начала видеть то, чего нет. Такие слухи могут дорого обойтись всем причастным.

Температура воздуха резко упала — Дарек развернулся к офицеру одним стремительным движением, и тот замолчал на полуслове. Его ледяной взгляд был красноречивее любых слов — одно неверное движение, и карьера станет наименьшей из проблем болтливого стражника.

Не говоря ни слова, муж схватил меня за локоть. Его пальцы были как железные тиски — не вырваться, даже если очень захотеть.

— Но послушайте! — я отчаянно пыталась сопротивляться, спотыкаясь о собственный подол и оглядываясь на девочку. Она всё так же сидела, сжавшись в комочек, между корнями старого дерева, и теперь в её глазах появилось что-то новое — немой укор. — Мы не можем оставить её здесь! Она совсем одна...

Дарек молча тащил меня к карете, не обращая внимания на мои протесты. Его движения были резкими, отточенными, как у хищника, готового к прыжку. Когда мы добрались до экипажа, он практически втолкнул меня внутрь — так бесцеремонно, что я едва не упала на колени перед Беатрисой.

— Сиди здесь, — процедил он сквозь зубы, и в его голосе звенела такая сталь, что я невольно вжалась в сиденье. — И не смей никуда выходить. Это приказ.

Дверца захлопнулась с такой силой, что задрожали не только стёкла, но, казалось, и вся карета. Я осталась наедине с Беатрисой и лекарем, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы бессилия и отчаяния.

— Что ты там натворила, сестрица? — голос Беатрисы сочился приторным сочувствием, за которым явно слышалось злорадство. — Что умудрилась разозлить нашего мужа?

— Не нашего, а моего, — огрызнулась я, но осеклась на полуслове.

Слова застряли у меня в горле, потому что рядом с Беатрисой, прямо на бархатной обивке сиденья, сидела та самая девочка. Её рыжие волосы всё так же были спутаны и слиплись от грязи, а на разорванном платье расплывались бурые пятна. Она больше не плакала — просто смотрела на Беатрису немигающим взглядом, и в её глазах застыло что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

Беатриса самодовольно улыбнулась, явно приняв мою внезапную бледность за испуг:

— Что, прикусила язычок? Правильно, знай своё место, — она погладила свой живот с видом королевы. — Скоро всё изменится, вот увидишь.

Я не ответила. Я не могла отвести взгляд от призрачной девочки, которая теперь протянула ко мне свою маленькую,

испачканную кровью руку.

— Помоги мне, — беззвучно прошептала она, и её глаза, полные невыразимой тоски, впились в моё лицо.

Девочка смотрела на меня немигающим взглядом, и в этой жуткой тишине я слышала только бешеный стук собственного сердца. В её глазах застыла такая тоска, такое отчаяние, что у меня перехватило дыхание. Маленькая ладошка, испачканная кровью, всё ещё тянулась ко мне в безмолвной мольбе о помощи.

Внезапный хлопок дверцы заставил меня вздрогнуть — Дарек одним стремительным движением забрался внутрь. В тот же миг малышка растаяла в воздухе, словно её и не было. Я часто заморгала, пытаюсь прийти в себя. Только что она была здесь — такая реальная, что я могла разглядеть каждую прядь спутанных рыжих волос, каждое пятнышко на её разорванном платье. И вдруг — пустота.

Сердце колотилось где-то в горле. Что это было? Призрак? Галлюцинация? Может быть, я действительно схожу с ума после всего, что увидел на той поляне? Но нет — я слишком отчётливо помню каждую деталь: и следы от верёвки на тонкой шее, и бурые пятна на белом кружеве, и этот пронзительный, полный мольбы взгляд. Такое невозможно придумать.

— О, милорд! — Беатриса мгновенно оживилась, расправив складки платья. — Как хорошо, что вы вернулись! Я так волновалась... — она кокетливо поправила выбившийся ло-

кон. — Расскажите, что там произошло? Должно быть, что-то ужасное, раз потребовалось ваше вмешательство.

Её голос, пропитанный медовой слащавостью, вывел меня из оцепенения. Я попыталась сосредоточиться на реальности, но перед глазами всё ещё стояло лицо той девочки. Откуда она взялась? Почему появилась именно сейчас? И главное — почему только я могу её видеть?

Дарек, даже не удостоив сестру кивком, достал какие-то бумаги и погрузился в работу с невозмутимым видом, который обычно означал крайнюю степень его раздражения. Но его очередной пристальный взгляд в мою сторону заставил меня похолодеть. В этих ледяных глазах читался холодный расчет, профессиональный интерес инквизитора, привыкшего докапываться до сути любой странности.

И тут меня пронзило острое, болезненное осознание — призраки. Я вижу призраков. Воспоминания об уроках истории в поместье Эвертонов обрушились на меня тяжёлым потоком, каждое слово старого наставника теперь звучало как приговор: «Только чернокнижники, практикующие магию крови и смерти, способны видеть души умерших. Этот дар — или проклятие — достаётся тем, кто осмелился переступить грань между миром живых и мёртвых. Тем, кто запятнал свою душу самой тёмной из всех магий».

А ведь именно за такую магию инквизиторы отправляют на костер без суда и следствия. Без права на оправдание. Без надежды на пощаду. Однажды я видела такую казнь — еще

ребенком, когда отец взял нас с Беатрисой на площадь, чтобы «преподать урок». Помню, как пахло горелым мясом, как кричала осужденная, как Дарек — тогда еще совсем молодой инквизитор — стоял у костра с непроницаемым лицом, наблюдая за исполнением приговора.

Я украдкой взглянула на мужа — его пальцы сжимали перо чуть сильнее обычного, выдавая внутреннее напряжение. Неужели он что-то подозревает? В памяти всплыли слова верховной жрицы о странных пятнах на моей ауре, и от этой мысли внутри все похолодело. В висках застучала кровь. Что, если моя способность видеть призраков как-то связана с тем, как я оказалась в теле Амели? Что, если само мое существование здесь — результат запретной магии?

Беатриса тем временем продолжала щебетать о каких-то переменах в доме, явно воодушевлённая происходящим. Её голос звенел от едва сдерживаемого торжества, а глаза блестели нездоровым возбуждением. Она то и дело поглаживала живот, демонстративно морщась при каждом толчке кареты. Каждый её жест, каждое движение были рассчитаны на публику — особенно на Дарека, который упорно игнорировал её присутствие.

— Знаете, милорд, — щебетала она, поправляя складки платья, — я думаю, нужно полностью обновить убранство в восточном крыле. Там такая мрачная атмосфера, совсем не подходящая для детской. А ведь маленькому наследнику нужно расти в светлой, радостной обстановке...

— Вы можете делать всё, что считаете нужным, — неожиданно отозвался Дарек, не поднимая глаз от бумаг. Его голос был ровным и безразличным, как у человека, которому приходится отвлекаться на что-то несущественное. — Но каждое изменение должно быть утверждено леди Амели. Не стоит беспокоить меня подобными мелочами.

Беатриса осеклась на полуслове, и на мгновение её лицо исказилось от досады. Но она быстро взяла себя в руки и снова расплылась в приторной улыбке.

Я же едва сдержала дрожь. В другое время такая поддержка мужа порадовала бы меня, но сейчас... В голове шумело от калейдоскопа мыслей и догадок. Столько всего навалилось за последние дни. Беатрисса со своей беременностью, странные пятна на моей ауре, убийства женщин рыжеволосых, еще и призрак...

Карета подпрыгнула на очередном ухабе, и я с трудом удержалась на месте. Мой взгляд снова упал на то место, где совсем недавно сидела призрачная девочка. Пустое сиденье. Но я помнила каждую черточку её лица, каждый взгляд, полный невысказанной мольбы.

В любом случае, теперь у меня есть проблема посерьёзнее, чем интриги Беатрисы. Если я действительно вижу призраков, если это не игра моего воспалённого воображения... Я скосила глаза на мужа, который продолжал что-то писать, время от времени бросая на меня изучающие взгляды. Вдруг он сочтет меня чернокнижницей?

Один неверный шаг, одно неосторожное слово — и я могу оказаться на костре. И сожжёт меня тот самый человек, с которым я делю постель. Такова суровая правда этого мира: для инквизитора долг превыше всего, даже семейных уз. Особенно семейных уз.

День растянулся в бесконечность. После возвращения домой в особняке воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов слуг да редким шепотом за углом — прислуга обсуждала странные события этого утра. Я заперлась в своих покоях, не в силах ни есть, ни спать.

Беатриса тоже не вышла к обеду. Прислала записку витиеватым почерком — "из-за волнений этого утра чувствует недомогание и просит подать ужин в покои". Лицемерка. Смысл ей ужинать в столовой, если Дарека в доме нет.

Дарек, едва переступив порог особняка, сразу же уехал по каким-то срочным делам. В последнее время он все чаще пропадал где-то допоздна. Обычно это меня беспокоило, но сегодня я была даже рада его отсутствию — нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

Вечер принес с собой промозглую сырость. Туман заполз в сад, окутал деревья белесой пеленой, заглядывал в окна мутными глазами. В такую погоду старый особняк всегда казался особенно мрачным. Магические светильники через равные промежутки разгоняли тьму в длинных коридорах, но между островками света клубились густые тени. Я старалась не всматриваться в них — после сегодняшних событий

в каждом темном углу мерещились призрачные фигуры.

Карета мужа подъехала к дому около часа назад — я узнала характерный звук колес по гравию подъездной дорожки. Он, по своему обыкновению, сразу прошел в кабинет. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах — твердые, уверенные, не знающие сомнений.

Мысли о том, что он может думать обо всем произошедшем, не давали мне покоя.

Решение далось нелегко — идти к нему в кабинет без приглашения я обычно не рисковала. Это была его территория, его крепость, куда даже жена входила только по особому разрешению. Но сейчас, когда надо мной нависла тень обвинения в запретной магии, медлить было нельзя. Нужно поговорить с ним. Объясниться. Или хотя бы попытаться понять, что творится в его голове.

Я накинула теплую шаль — в коридорах по вечерам всегда гулял холодный сквозняк — и вышла из своих покоев.

Возле кабинета я на мгновение остановилась, пытаюсь унять дрожь в руках. За массивной дубовой дверью горел свет — полоска теплого сияния пробивалась из-под порога. Я уже занесла руку, чтобы постучать, но замерла, уловив голоса.

За дверью кабинета раздавался голос Беатрисы — такой медовый, что от этой приторной сладости сводило зубы.

— Она начала болеть примерно полгода назад, — каждое слово сестры сочилось заботливой обеспокоенностью, от которой к горлу подступала тошнота. — Поначалу все выглядело как обычная простуда. Слабость, головокружения... — Беатриса сделала драматическую паузу. — Но потом ей становилось всё хуже и хуже. Мы все так переживали.

Я прижалась к холодному дереву двери, боясь пропустить хоть слово. Сердце колотилось как безумное, и казалось, его стук эхом разносится по всему коридору, выдавая моё присутствие.

— Кто имел доступ к дому в тот период? — голос Дарека звучал сухо и отстранённо, словно он вёл допрос очередного подозреваемого. От этого тона у меня по спине пробежал холодок — я слишком хорошо знала, что скрывается за этой показной безучастностью.

— О, к нам приезжало столько гостей! — Беатриса заметно оживилась, и в её голосе зазвенели торжествующие нотки. Торговцы с востока — они привозили какие-то редкие травы. Амели всегда питала странную страсть к целительству. — Она снова сделала паузу, и я почти физически ощущала, как она подбирает следующие слова, словно ядовитые стре-

лы. — И к книгам. Особенно старинным. Представляете, она могла часами сидеть в библиотеке! Пока другие девушки думали о нарядах, о балах, она всё читала и читала...

В её голосе появились интимные нотки, от которых меня передёрнуло:

— Помните, когда вы приезжали уладить формальности помолвки? Амели как раз начала болеть... А между нами проскочила та самая искра. — Беатриса понизила голос до шёпота, но каждое её слово било, как хлыст. — Я знала, что это неправильно, что вы жених моей сестры, что у вас якобы идеальная магическая совместимость... Но разве можно противиться настоящему притяжению? Поэтому той ночью я пришла к вам. И вы не оттолкнули меня.

Я до крови прикусила губу, сдерживая рвущийся из груди крик.

— Расскажите подробнее о её увлечении книгами, — в голосе Дарека появились новые нотки. Я слишком хорошо знала этот тон — так говорит инквизитор, почуявший след. Намёки Беатрисы на их связь он пропустил мимо ушей.

— Ах, это... — Беатриса заговорила тише, придавая своему голосу заговорщицкие нотки. — Знаете, она всегда была... другой. Не такой, как все мы. И дело не только в книгах. Она ни на кого в семье не похожа. Ни на отца, ни на мать... — последнее слово она выделила с особым значением, и у меня внутри всё похолодело.

— Что именно вы имеете в виду?

— В семье об этом не принято говорить, но... — голос Беатрисы стал ещё слаще, словно она собиралась поделиться особенно лакомым кусочком сплетен. — На самом деле, Амели не родная дочь моей матери. Отец нагулял её от служанки. От какой-то простолюдинки с севера. — Она сделала эффектную паузу. — Матери пришлось делать вид, что она беременна, чтобы официально записать Амели наследницей. Дед настоял.

Я прижала ладонь ко рту, сдерживая рвущийся наружу возглас. Вот оно что! Вот почему леди Эвертон всегда смотрела на Амели с плохо скрываемым презрением. Вот почему в доме к ней относились как к нежеланной обузе.

— Нам пришлось принять её в род, — продолжала Беатриса с притворным сожалением. — Дед тогда был ещё жив и имел огромное влияние на семью. А через год его не стало. — Она снова сделала паузу. — Мать, конечно, хотела избавиться от этой... от Амели. Но было уже поздно — все считали её законной дочерью семьи Эвертон.

— Что случилось со служанкой? — голос Дарека оставался таким же бесстрастным, но что-то в нём заставило меня вздрогнуть.

— Её выгнали, разумеется! — Беатриса произнесла это с таким презрением, словно речь шла о бездомной собаке. — Заплатили отступные и отправили куда-то на север. Надеюсь, она там и сгинула.

— Вернёмся к вашей сестре, — холодно прервал её Дарек.

— Расскажите о её поведении до болезни.

— О, она всегда была странной, — в голосе Беатрисы звучало плохо скрываемое отвращение. — Вечно сидела в библиотеке, зарывшись в какие-то древние фолианты. Словно одержимая! Иногда я заходила туда ночью за книгой романов, а она всё сидит, что-то пишет при свечах. И взгляд такой... жуткий. Пустой, словно у мертвеца.

— Что именно она изучала? — в голосе мужа появились новые, опасные нотки.

— Всё подряд — травы, древние языки, историю... Но особенно её интересовали старые легенды. О призраках, о тёмной магии... — Беатриса понизила голос до драматического шёпота. — А потом она заболела. И знаете что? Я сама видела, как она умерла той ночью.

Холодок пробежал по моему позвоночнику, пальцы до боли впились в дерево дверного косяка. В горле пересохло так, что было больно глотать.

— Объяснитесь, — голосе Дарека так же не выражал никаких эмоций.

— Я была там, — в голосе Беатрисы звучало мрачное торжество. — Сидела у её постели. Она не дышала, милорд. Со всем не дышала! Я сама пыталась нащупать пульс — его не было. А через час она просто... открыла глаза. Как ни в чём не бывало! — Она сделала драматическую паузу. — Разве это не странно? Разве это... естественно?

Я отшатнулась от двери на подгибающихся ногах, чув-

ствуя, как земля уходит из-под ног. В висках стучала кровь, перед глазами плыли чёрные пятна. То, что только что сказала Беатриса, было страшнее любых обвинений в чернокнижии. Потому что это была правда — или, по крайней мере, часть правды.

У Дарека теперь были все основания заподозрить неладное. Странная болезнь. Внезапное "воскрешение". Необъяснимые пятна на ауре. И теперь ещё способность видеть призраков — главный признак запретной магии. О боги, Беатриса только что подписала мне смертный приговор.

Я побрела к своим покоям, едва переставляя ноги. В ушах шумело, словно я тонула. Теперь всё встало на свои места — и холодность семьи Эвертонов к Амели, и явное предпочтение Беатрисы, и те презрительные взгляды, которые бросала на падчерицу леди Эвертон. Бастард, незаконнорождённая дочь служанки — клеймо, которое не смыть никакими титулами.

Дрожащими руками я заперла дверь на засов, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Что теперь делать? Бежать? Но куда? В этом мире у меня нет ни единой родной души, ни одного союзника. К тому же от инквизиции не скрыться — у них везде есть глаза и уши, их агенты есть в каждом городе, в каждой деревне.

Может быть, попытаться всё объяснить Дареку? Но что именно объяснять? Правду о том, что я — чужая душа, вселившаяся в тело его умирающей невесты? Так он точно от-

правит меня на костер — и будет абсолютно прав.

В спальне было холодно, несмотря на пылающий в камине огонь. Я сидела на полу, обхватив руками колени, и пыталась унять дрожь. Слова Беатрисы всё ещё звенели в ушах, отравляя сознание страхом и отчаянием. Магические светильники отбрасывали на стены причудливые тени, и каждая из них казалась затаившимся врагом.

Внезапно по комнате пронёсся холодный ветер, хотя все окна были плотно закрыты. Пламя свечей затрепетало, грозя погаснуть, а в воздухе разлился пронизывающий холод, от которого перехватывало дыхание. Я медленно подняла голову и застыла.

На моей кровати, поджав под себя ноги, сидела та самая девочка. Она выглядела совершенно живой — я могла различить каждую веснушку на её бледном лице, каждую прядь спутанных рыжих волос. Её маленькие пальчики комкали подол некогда белого платья, теперь покрытого бурыми пятнами. По щекам катились настоящие слёзы — я видела, как они оставляют влажные дорожки на грязной коже.

— Помоги мне, — произнесла она, и её голос, хоть и глухой, словно доносившийся из-под воды, был совершенно реальным. — Я же вижу тебя... Мне страшно и холодно... Где моя мама?

По её щекам потекли новые слёзы, падая на покрывало и

оставляя на нём тёмные пятна. Что-то в её голосе, в этой беспомощной мольбе заставило меня забыть о страхе. Я медленно поднялась на ноги, чувствуя, как дрожат колени, и осторожно подошла к кровати.

Движимая непонятым порывом, я протянула руку и коснулась её плеча. Оно оказалось вполне материальным — холодным, но вполне осязаемым. Я даже почувствовала ткань под пальцами.

— Кто ты? — мой собственный голос звучал хрипло, словно я не разговаривала несколько дней. — Почему я тебя вижу? Ты... ты умерла?

Девочка подняла на меня свои огромные зелёные глаза, полные такой невыразимой тоски, что у меня защемило сердце. В глубине этих глаз плескался настоящий, живой страх.

— Я хочу к маме, — прошептала она, и её губы задрожали. — Пожалуйста, мне страшно... Я так хочу к маме...

Я осторожно села рядом с ней, чувствуя, как прогибается матрас под нашим общим весом. Она была такой настоящей, такой живой, что казалось невозможным поверить в её призрачную природу. Только неестественный холод, исходящий от её тела, напоминал о том, что передо мной не обычный ребёнок.

Внезапно тишину разорвал резкий стук в дверь. Я вздрогнула всем телом и инстинктивно схватила девочку за руку. Её пальчики были ледяными, но совершенно реальными.

— Амели! — голос Дарека звучал непривычно напряжённо. — Открой дверь. С кем ты разговариваешь?

Я в панике оглянулась на девочку, но она уже исчезла — растворилась в воздухе, хотя всего мгновение назад я чувствовала её руку в своей. На покрывале остались влажные следы от её слёз, но они быстро таяли, испаряясь на глазах.

Стук повторился, более настойчивый.

— Амели! Не заставляй меня ждать!

Мои руки так сильно дрожали, что я с трудом справилась с засовом. Он вошёл в комнату, окинув пространство цепким взглядом. Я невольно съёжилась, пытаюсь унять предательскую дрожь. Муж методично осмотрел каждый угол, каждую тень, словно ожидал найти там притаившегося врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.